

Брат Цун догадывался, что это была вынужденная атака, на которую пошли от безысходности из-за растущего давления сверху.

Нападение было стремительным, огневая мощь также впечатляла. Практически в два-три раза увеличили численность, и, стиснув зубы, то место взяли.

Новость пришла глубокой ночью, как и в тот вечер, когда случилось происшествие в Наньгоу. Ворон постучал в дверь, и А-Да, накинув одежду, сразу же ушёл.

На этот раз ушли крайне поспешно, и ушли не только А-Да и Ворон, но и половина трудоспособных мужчин. Брат Цун встал с кровати, открыл дверь и, насколько позволяла цепь, постарался посмотреть вдаль.

Он увидел разрозненные факелы и услышал шум, сравнимый с дневным гомоном.

А-Янь тоже прибежал из дома Ворона. Он подбежал к комнате брата Цуна, вбежал внутрь и попросил закрыть дверь.

Закрыв дверь, он не остановился, начал рыться в сундуках и шкафах.

Брат Цун спросил, что он ищет. Тот ответил, что ищет ключ.

Брат Цун понял, но сразу же осознал, что А-Да вряд ли оставил ключ в комнате. Иначе, даже будучи прикованным цепью, он бы уже нашёл ключ и освободил себя.

Он поделился своими мыслями с А-Янем, и тот продолжил поиски, но, к сожалению, ничего не нашёл и в конце концов сел, словно сдаваясь.

Брат Цун спросил, что случилось на этот раз, почему всё так серьёзно.

А-Янь сделал несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя, и только потом сказал:

— Бэйпо, кажется, взяли.

— Взяли? — Брат Цун был шокирован. — За одну ночь, чёрт возьми, взяли?

— Говорят, три роты с тяжёлым вооружением пошли, потери были огромные, но в итоге Бэйпо взяли, — сказал А-Янь. — Я слышал, как молодой парень, который принёс весть, говорил Ворону, что в Бэйпо почти никого не осталось.

Услышав это, брат Цун почувствовал, как сердце у него упало.

Он вдруг вспомнил, как на одном из собраний какой-то командир в ярости бил кулаком по столу, скрежеща зубами и крича:

— Убить! Убить! Убить!

Тогда брат Цун подумал, что это просто гневные слова. В конце концов, в деревне столько мирных жителей, много стариков, женщин и детей, которые не держат оружия. И солдаты, и жители Кушань — все они граждане государства Ши. Невозможно, чтобы новое правительство, ещё не успевшее укрепиться, допустило такие масштабные внутренние потери.

— Уничтожить целую деревню? Возможно ли это? За одну ночь?

— Если действительно перебросили силы с других направлений и сосредоточили удар, — А-Янь прикинул, подтверждая эту догадку, — то возможно, не так ли?

Брат Цун стиснул зубы. Ему вдруг стало холодно, вероятно, из-за того, что он открыл дверь и пустил холодный воздух, который не мог рассеяться.

Он вспомнил слова своего двоюродного брата, слова А-Да, слова Ворона, а также тех солдат, которым отрубили головы, и сцену, когда они ещё были в лагере, и вдруг с горы хлынула толпа «горных обезьян» Кушань, застав армию врасплох.

Возможно, конечно, возможно. Оружия достаточно, численное превосходство. Как и в той гневной телеграмме — даже если три против одного, чёрт возьми, мы сровняем это место с землёй!

Руки брата Цуна дрожали. Он налил себе чаю, но чай уже остыл. Он сидел, сжимая чашку, пока А-Янь не схватил его за запястье.

— Брат Цун, я знаю, чего ты боишься, — сказал А-Янь, его пальцы тоже были холодными. — Если их деревню действительно уничтожили, то, скорее всего, их гнев...

— Не уничтожат, — резко поднял голову брат Цун, глядя на А-Яня, и твёрдо заявил. — Это мирные жители, их не уничтожат.

В памяти А-Да это, вероятно, была самая холодная зима за все годы, что он провёл в Кушань.

Холод, от которого кости буквально застыли, и меховая шуба совсем не помогала.

Ледяной ветер ревел в долине, трепал мрачные вечнозелёные деревья, шевелил ледяные реки и проносился над небом, которое никак не хотело светлеть, но странным образом раздувал огонь, делая его всё ярче и ослепительнее.

А-Да и его люди стояли на вершине у Бэйпо, где густой лес обеспечивал им надёжное укрытие. Они были похожи на деревья, растущие здесь, с корнями, уходящими в мягкую, влажную и холодную землю, внешне неподвижные, но слегка дрожащие.

Было так холодно, что кровь, казалось, замёрзла, не текла, и мозг отказывался думать.

В костре были какие-то формы, которые менялись, а затем медленно превращались в пепел. В ямах тоже были формы, лежащие в беспорядке, словно принесённые с охоты звери и птицы.

Ещё какие-то формы двигались туда-сюда по открытой площадке, вынося вещи из домов или затаскивая что-то внутрь.

Конечно, большинство домов уже не были прочными. Эти маленькие хижины, не предназначенные для военных нужд, были построены кое-как, и одна пуля могла пробить стену, а один снаряд — сравнять с землёй.

Он молча наблюдал за территорией, по которой прошла новая волна жизни. Он не был уверен, действительно ли затвердевшая земля была красной или это игра света от огня, но всё, что он видел, было ярко-красным, а нос был заполнен холодным и зловонным запахом.

Во рту у него оставался единственный источник тепла. Он хотел говорить, хотел кричать, хотел молча броситься вперёд, схватить меч и ударить кого-нибудь, чтобы земля стала ещё краснее,

а зловоние — ещё гуще.

Но его пальцы не двигались. Они были намертво приморожены к рукояти меча.

Ему было интересно, почему же Ворон, всегда такой горячий, не бросился первым. Если бы Ворон бросился, возможно, сегодня вечером всё бы закончилось.

Бэйпо пал, Ситоу проиграл, и теперь войска смогут легко войти в сердце — Чжунтугао, затем вернуть Наньгоу и умиротворить Дунлин.

Кушань будет взят, вопрос лишь в том, займёт ли это четыре-пять лет или четыре-пять месяцев.

Впервые А-Да почувствовал, что может проиграть, и впервые усомнился.

Он прищурился, глядя на разбросанную одежду. Возможно, для тех солдат люди были не так важны, как тёплая одежда, которую нельзя было закопать или сжечь. Это был капитал, позволяющий живым продолжать жить, и козырь, позволяющий им создавать больше мёртвецов.

Ворон не двигался, из его носа вырывались клубы пара. А-Да не поворачивался к нему, и ни один из молодых людей, стоящих за ним, не издавал ни звука.

Возможно, они, как и А-Да, сейчас колебались. Ошеломлённые огромным потрясением и печалью, они не знали, хочет ли А-Да, чтобы они погибли славно и быстро, или чтобы они жили, как могут, день за днём.

А-Да увидел маленькую линию, которая образовала круг. Это была защита, быстро возведённая обученными солдатами. Их погибших товарищей тоже было немало, но они были трезвее и спокойнее, чем люди Кушань, и могли более хладнокровно принимать жертвы и смерть.

А-Да перевёл взгляд вверх. Недалеко от Бэйпо был изящный мост через пропасть. Сейчас мост тоже смотрел на А-Да. Они стояли на разных вершинах, разделённые группой захватчиков.

Мост сказал А-Да:

— Я хочу жить, но боюсь, что если я проживу сегодня, завтра они меня взорвут.

А-Да сказал:

— Что же, почему они тебя взорвут?

Мост ответил:

— Взорвут. Посмотри, они строят новый мир, а я — старая вещь, зачем им меня оставлять?

А-Да сказал:

— Тогда умри. Умри, и мы тебя запомним. Умри с честью, ради этой земли.

Мост снова сказал:

— Но я не хочу умирать. Вы меня не запомните, потому что если я умру, вы тоже умрёте.

А-Да не ответил. Он увидел, как за мостом поднимается лёгкий туман, плывущий по влажным горам.

Затем он услышал крик, похожий на то, как командир отдавал приказ солдатам разделиться, снять жетоны. Отделить горцев, пересчитать их вещи.

— А-Да, — хрипло сказал Ворон.

А-Да не двигался, но лес за ним зашевелился.

Ворон и несколько человек сразу же повернулись с мечами наготове, но увидели, как к ним бежит молодой парень. Он был похож на зайца, которого Ворон нашёл несколько дней назад: пробежал пару шагов, остановился, затем снова побежал. Бежал неуверенно, спотыкаясь.

Когда он, наконец, подбежал, Ворон увидел, что его лицо и тело были в крови. В руке он сжимал изогнутую саблю Саламандры, но кровь на лезвии уже замёрзла.

Он упал на землю и вдруг схватил Ворона за руку.

— Ворон, брат, А-Да, помогите, спасите.

<http://bllate.org/book/16300/1470178>